

НОВЫЯ НАХОДКИ ПУШКИНСКИХЪ СТИХОВЪ.

При оскудѣннн современной изящной словесности приходится радоваться усилившемуся изученію Пушкина. Два новыхъ изданія его сочиненій (изданіе Академическое и изданіе Брокгауза-Ефрона, подъ редакціей С. А. Венгерова) вызвали къ дѣятельности цѣлый рядъ изслѣдователей. Благодаря ихъ трудамъ, рукописи Пушкина вновь пересмотрѣны и изъ нихъ извлечено немало стихотвореній, ранѣе неизвѣстныхъ. Особенно счастлива въ этомъ отношеніи оказалась минувшая зима: П. О. Морозову посчастлилось разыскать наброски четырехъ новыхъ стихотвореній, имѣющихъ значеніе выдающееся. Такъ какъ они еще не вошли ни въ одно изъ изданій сочиненій Пушкина, то мы позволяемъ себѣ познакомить съ этими находками читателей „Русскаго Архива“.

I.

Исключительную важность для характеристики Пушкина представляютъ его стихи, въ которыхъ онъ высказываетъ свое сужденіе о Декабрьскомъ движеніи. Стихи эти разысканы П. О. Морозовымъ въ рукописяхъ Пушкина, собранныхъ Л. Н. Майковымъ и переданныхъ, по его смерти, его вдовою въ Академію Наукъ. Стихи написаны „Онѣгинскими“ строфами, и можно предположить, что они назначались въ одну изъ главъ „Евгенія Онѣгина“.

Къ сожалѣнію, рукопись этихъ стиховъ—черновая, покрытая множествомъ помарокъ и плохо поддающаяся чтенію. Нѣкоторые стихи не додѣланы, нѣкоторыя слова совершенно неразборчивы, такъ что нѣтъ возможности образовать ни одной цѣльной строфы. Общій ходъ мысли, однако, уже вполне ясенъ.

1.

Другъ Марса, Вакха и Венеры,
Тамъ вѣчно Лунинъ предлагалъ
Свои рѣшительныя мѣры
И вдохновенно бормоталъ.
Читалъ свои стихотворенья
.....
..... казалось, обнажалъ
Цареубійственный кинжалъ.
Одну Россію въ силѣ видя,
Делѣя въ ней свой идеаль,

Хвастунъ (?) Т. ¹⁾ нмъ внималъ
И слово „рабство“ ненавидя,
Предвидѣлъ въ сей толпѣ дворянъ
Освободителейъ крестьянъ.

2.

Такъ было надъ Невою льдистой.
Но тамъ, гдѣ ранѣ весна
Блеститъ надъ Каменкой тѣнистой
И надъ холмами Тульчина,
Гдѣ Витгенштейновы дружины
Днѣпромъ подмытыя равнины
И степи Буга облегли,
Дѣла другимъ порядкомъ шли.
Тамъ Пестель. . . . .
И рать набатный генераль
Въ союзъ свободы вербоваль. . .
. . . . .
Но полонъ дерзости и силъ.
. . . . . добытій торопилъ.

3.

Все это были заговоры
Между Лафитомъ и Кликю,
Куплеты, дружескіе споры.
И не входила глубоко
Въ сердца мятежная наука.
Все это было только скука,
Бездѣлье молодыхъ умовъ,
Забавы взрослыхъ шалуновъ...
. . . . .
Казалось намъ... по пустякамъ...
И скоро.. узлы къ узламъ..
И постепенно сътъю тайной
Россія. . . . .
. . . . .

Мы знаемъ, что Пушкинъ былъ близокъ со многими членами тайныхъ обществъ 20-хъ годовъ. Однако, сообщая Жуковскому, что онъ былъ „въ связи съ большей частью заговорщиковъ“, Пушкинъ явно преувеличивалъ²⁾. Мы по-

¹⁾ Н. И. Тургеневъ? П. Б.

²⁾ Намъ случилось бесѣдовать съ женами двухъ Декабристовъ, княгиней Марією Николаевной Волконской и Екатериной Николаевной Орловой. Обѣ онѣ отзывались о Пушкинѣ съ улыбкою и некотораго пренебреженія и говорили, что въ Каменкѣ восхищались его стихами, но ему самому не придавали никакого значенія. Пушкина это огорчало и приводило въ досаду. Можетъ быть, воспоминаніемъ о томъ и вызваны его отзывы, относящіеся никакъ не раньше какъ къ срединѣ 1827 года, или даже къ концу этого года, когда сосланные волверены были въ Читѣ. П. Б.

мнимъ также „Посланіе въ Сибирь“ Пушкина, въ которомъ онъ предрекаетъ будущее торжество Декабристовъ; надо сознаться, что выраженія этого посланія крайне двусмысленны... Наконецъ, нельзя не напомнить той страницы въ тетради Пушкина, гдѣ онъ нарисовалъ висѣлицу и пять повѣшанныхъ на ней, а около написалъ нѣсколько словъ, которыя прежними издателями читались: „и я бы могъ, какъ тутъ на...“, а новѣйшими издателями читаются: „и я бы могъ, какъ шутъ на...“

Стихи, разысканные П. О. Морозовымъ, безъ сомнѣнія помогутъ намъ вѣрнѣе понять отношенія Пушкина къ событію 14 Декабря.

II.

Въ связи со стихами Пушкина о Декабристахъ стоитъ другое его стихотвореніе, въ которомъ сдѣлана широкая характеристика всей общественно-политической жизни Россіи начала XIX вѣка. Въ это стихотвореніе перенесены нѣкоторыя строки изъ только-что приведенныхъ „Онѣгинскихъ“ строфъ. Однако, оно образуетъ совершенно самостоятельное цѣлое.

Рукопись этого стихотворенія была извѣстна уже Анненкову. Но ни онъ, ни позднѣе Майковъ, не сумѣли ея воспользоваться, потому что стихотвореніе въ этой рукописи было записано не прямо, а такъ называемой „криптограммой“. при чемъ строки расположены въ особомъ условномъ порядкѣ. Къ сожалѣнію, ни Анненковъ, ни Майковъ не нашли нужнымъ напечатать текстъ извѣстной имъ рукописи, что дало бы возможность другимъ изслѣдователямъ попытаться свои силы въ ея дешифрированіи. Рукопись въ теченіе 80 лѣтъ оставалась неизвѣстною читателямъ Пушкина, пока, наконецъ, П. О. Морозову удалось угадать тотъ „ключъ“, который открываетъ ея смыслъ.

Впрочемъ, пока еще нѣтъ возможности возстановить стихотвореніе полностью. Во-первыхъ, нѣкоторыя строки, особенно написанныя съ сокращеніями, еще не поддаются чтенію. Во-вторыхъ, рукопись дошла до насъ не вся: недостаетъ отдѣльной странички, на которой были записаны заключительные стихи послѣднихъ четверостишій. Въ-третьихъ, наконецъ, Пушкинъ, при переписываніи, повидимому, опустилъ нечаянно нѣсколько стиховъ. Но причинѣ всего этого въ стихотвореніи есть рядъ пропусковъ, а заключительная его часть состоитъ изъ неполныхъ четверостишій, лишенныхъ заключительнаго стиха.

Вотъ что, въ концѣ концовъ, можно прочесть въ „криптограммѣ“ Пушкина:

Властитель слабый и лукавый,
Плѣшивый щеголь, врагъ труда.
Нечаянно пригрѣтый славой.
Надъ нами царствовалъ тогда.

Его мы очень смиреннымъ знали.
Когда не наши повара
Орла двуглаваго щипали
У Бонапартова шатра.

Гроза двѣнадцатаго года
 Настигла,—кто тутъ намъ помогъ?
 Остервененіе народа.
 Барклаѣ. зима иль Русскій Богъ?

*

Но Богъ помогъ, сталь ропотъ ниже.
 И скоро сляю вещей
 Мы очутились въ Парижѣ.
 А Русскій Царь—главой царей.

*

И чѣмъ жирнѣе, тѣмъ тяжелѣ
 Въ Россіи. . . . .
 Скажи, зачѣмъ ты въ самомъ дѣлѣ...
 . . . . .

*

Авось, о шибболеть народный,
 Тебѣ бѣ я оду посвятить...¹⁾
 Но стихоплетъ великородный²⁾
 Меня уже предупредилъ.

*

Авось, аренды забывая.
 Ханжа³⁾ запрется въ монастырь:
 Авось, по манью Николая,
 Семейства возвратитъ Сибирь...

*

Сей мужъ судьбы, сей странникъ бранный,
 Предъ кѣмъ унизились цари.
 Сей всадникъ, Папово вѣнчанный.
 Исчезнувшій какъ тѣнь зари....

*

Тряслся грозно Пиреней.
 Волканъ Неаполя пылалъ.
 Безрукій князь⁴⁾ друзьямъ Морей
 Изъ Кишенева ужъ мигалъ.

*

..Я всѣхъ уйму съ моимъ народомъ!.."
 Нашъ Царь въ покоѣ говорилъ...
 . . . . .
 А про тебя и въ усь не дуетъ.
 Ты, Аракчеева (?) холопъ!

¹⁾ О комъ именно здѣсь говорится, намъ непонятно. Еврейскимъ словомъ шибболеть означаетъ приказъ часовому, пропускной такъ называемый пароль. (Книга Судей въ Св. Библии, глава 12-я, стихъ 6-й). П. Б.

²⁾ Графъ Хвостовъ. П. Б.

³⁾ Князь А. Н. Голицынъ П. Б.

⁴⁾ Князь Искланты. П. Б.

*

Потѣшный полкъ Петра титана,
Дружина старыхъ усачей,
Предавшихъ вѣкогда тирана
Свирѣпой шайкѣ палачей.

*

Россія присмирѣла снова...
И пуце царь пошелъ кутить;
Но искры пламени инова
Уже издавна, можетъ быть.....

*

У нихъ свои бывали сходки;
Они за чашею вина,
Они за рюмкой Русской водки.....

*

Витійствожь рѣзкимъ знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У безпокойнаго Никиты *).....

*

Другъ Марса, Вакха и Венеры,
Тутъ Лунинъ дерзко предлагалъ
Свои рѣшительныя мѣры.....:

*

Такъ было надъ Невою льдистой,
Но тамъ, гдѣ ранѣ весна
Блестить надъ Каменкой тѣнистой...

* * *

Врядъ ли есть надобность объяснять, почему Пушкинъ нашелъ нужнымъ записать это свое стихотвореніе „криптограммой“. Онъ не разъ въ своей жизни имѣлъ случай убѣдиться (по исторіи съ „Гаврилядой“ и со стихами „Андрей Шенье“), сколько можетъ возникнуть неприятностей и прямыхъ опасностей изъ-за распространенія нѣкоторыхъ стиховъ. Онъ и принялъ всѣ мѣры, чтобы его стихи остались достояніемъ его одного, даже еслибы его рукопись и попала въ чужія руки.

III.

Третье стихотвореніе, разысканное П. О. Морозовымъ, небольшое двустишіе (гекзаметръ и пентаметръ), эпиграмма на переводъ Иліады Гнѣдича:

Кривъ былъ Гнѣдичъ поэтъ, предлагатель сѣпова Гомера.

Бокомъ однимъ съ образцомъ схожъ и его переводъ.

Но этой эпиграммѣ можно судить, что Пушкинъ понималъ недостатки Гнѣдичевскаго перевода Иліады (отсутствіе истинной простоты выраженій, напыщенность и т. п.). Сознвая, однако, что для *своего времени* переводъ Гнѣ-

*) Всеволожскаго. П. Б.

дича имѣть высокое значеніе, Пушкинъ не нашелъ умѣстнымъ высказывать свои критическія замѣчанія. Свою эпиграмму онъ тщательно зачеркнулъ въ рукописи, а вмѣсто нея написалъ и напечаталъ совершенно иное двустишіе („Слышу умолкнувшій звукъ...“) Кромѣ того въ „Литературной Газетѣ“ 1830 года онъ помѣстилъ небольшую замѣтку о трудѣ Гнѣдича, гдѣ впрочемъ больше говорится о „безкорыстіи“ этого труда, чѣмъ о его поэтическихъ достоинствахъ. Пушкинъ въ своей замѣткѣ даетъ обѣщаніе написать со временемъ болѣе подробный отчетъ о книгѣ... Этого обѣщанія онъ не исполнилъ.

IV.

Четвертое стихотвореніе разыскано П. О. Морозовымъ въ одной изъ рукописей Московскаго Румянцевскаго Музея. Это—эпиграмма на издателя „Вѣстникъ Европы“ М. Т. Каченовскаго.

.....
 Словесность Русская больна:
 Лежить въ истерикѣ она
 И бредитъ языкомъ мечтаній,
 И хладный между тѣмъ Зоиль
 Ей Каченовскій застудилъ
Теченье мѣсячныхъ изданій.

Послѣдній стихъ подчеркнутъ Пушкинымъ*).

А.

Было бы несправедливо придавать отзывамъ Пушкина про императора Александра Павловича и про Декабристовъ значеніе историографическое, такъ какъ на каждый изъ этихъ отзывовъ въ сочиненіяхъ его имѣется противоположный. Пушкинъ отзывался мѣткимъ словомъ на все, чѣмъ занята бывала его мысль. Вспоминаемъ его стихотвореніе „Эхо“, съ которымъ у него сравнивается поэтъ:

На всякій звукъ
 Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
 Родишь ты вдругъ...

П. Б.

*) Первые три стихотворенія будутъ помѣщены П. О. Морозовымъ въ ближайшемъ (XIII) выпускѣ повременнаго изданія „Пушкинъ и его современники“. Однако, уже теперь они напечатаны г. Н. Лернеромъ въ газетѣ „Рѣчь“, откуда мы ихъ и заимствуемъ. Четвертое стихотвореніе помѣщено въ „Юбилейномъ сборникѣ Литературнаго Фонда“ (Сиб. 1910 г.).